

25-november 2025

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Абдувахабова У.Ю.,

PhD, доцент кафедры английского языка,

Университет мировой экономики и дипломатии

Ташкент, Узбекистан

Email u.abduvahabova@uwed.uz

Аннотация.

В статье рассматривается прагматическая компетенция как ключевой компонент коммуникативной компетенции, обеспечивающий эффективность межкультурного взаимодействия. Анализируются научные подходы к определению прагматической компетенции, её структура, функции и роль в процессе обучения иностранному языку. Раскрывается значение социально-культурных норм в выборе речевых стратегий и языковых средств, приводятся примеры методических приёмов и заданий, направленных на формирование прагматической компетенции. Делается вывод о необходимости интеграции прагматических аспектов в учебный процесс на всех этапах языковой подготовки.

Ключевые слова: прагматическая компетенция, коммуникативная компетенция, социокультурные нормы, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку.

Abstract.

The article examines pragmatic competence as a key component of communicative competence that ensures effective intercultural interaction. It analyzes scholarly approaches to defining pragmatic competence, its structure, functions, and its role in

25-november 2025

foreign language teaching. The study highlights the significance of socio-cultural norms in the choice of speech strategies and linguistic means, and provides examples of methodological techniques and tasks aimed at developing pragmatic competence. The article concludes that pragmatic aspects must be integrated into the educational process at all stages of language instruction.

Keywords: pragmatic competence, communicative competence, socio-cultural norms, intercultural communication, foreign language teaching.

Современная методика преподавания иностранных языков всё в большей степени ориентируется на развитие способности учащихся использовать язык как средство реального общения, а не как набор грамматических структур. Традиционный акцент на грамматико-переводных навыках постепенно уступает место коммуникативно-деятельностному подходу, предполагающему формирование у обучающегося комплексной коммуникативной компетенции. Центральным элементом этой компетенции является прагматическая — способность адекватно использовать языковые формы в зависимости от контекста, цели, статуса участников общения и культурных норм.

Понятие коммуникативной компетенции было введено американским социолингвистом Хаймсом в 1972 году, который утверждал, что владение языком включает не только знание грамматических правил, но и умение говорить «надлежащим образом» в конкретной ситуации (Hymes, 1972). В отличие от узкого понимания языковой компетенции у Хомского, Хаймс предложил включать в её состав социальные и культурные аспекты. Позднее его идеи были развиты Канале и Суэйном, которые выделили четыре составляющие коммуникативной компетенции: грамматическую,

25-november 2025

социолингвистическую, дискурсивную и стратегическую. Эти компоненты образуют единую систему, в которой прагматический аспект обеспечивает соотнесение языковых форм с коммуникативными целями (Bachman, 1990). Бахман (1990) рассматривает прагматическую компетенцию как самостоятельный компонент языковой способности, включающий иллокуттивную и социолингвистическую компетенции. Иллокуторная компетенция обеспечивает выполнение речевых актов — просьб, извинений, комплиментов и отказов, — тогда как социолингвистическая отражает знание норм и ценностей, определяющих уместность высказываний в конкретном социокультурном контексте. Согласно Thomas (1983), прагматическая компетенция включает прагмалингвистический и социопрагматический уровни: первый связан со знанием языковых средств выражения интенций, второй — с культурными ожиданиями, регулирующими выбор этих средств.

Прагматическая компетенция тесно связана с межкультурной коммуникацией, поскольку каждая культура формирует собственные стандарты речевого поведения. Как отмечает Larina (2009), категории вежливости, дистанции и солидарности являются культурно обусловленными и определяют «коммуникативный стиль» народа. Например, англоязычная культура чаще характеризуется индивидуализмом и косвенной речью, тогда как славянская и узбекская традиции более склонны к эмоциональности и прямоте. Социальные и культурные нормы проявляются на всех уровнях языковой системы: в выборе форм обращения, грамматических конструкций, степени прямоты высказывания, использовании модальных и вежливых маркеров, а также неверbalной коммуникации. Например, в английском языке широко используется модальное смягчение, в то время как в узбекской культуре значимую роль играют обращения, основанные на возрасте и

25-november 2025

социальном статусе. Особенno важно учитывать социопрагматические различия, поскольку именно они часто становятся источником коммуникативных сбоев. Так, стратегии отказа существенно варьируются между культурами. Для английской речи характерны косвенные и смягчённые формулировки (e.g. *I'd love to, but...*; *I'm not sure I can, but let me check...*). В русской и узбекской традициях отказ часто выражается более прямо, что в рамках родной нормы не воспринимается как невежливость, однако в англоязычной культуре может интерпретироваться как резкость.

Прагматическая компетенция тесно связана с межкультурной коммуникацией, поскольку каждая культура формирует собственные стандарты речевого поведения. Как отмечает Larina (2009), категории вежливости, дистанции и солидарности являются культурно обусловленными и определяют «коммуникативный стиль» народа. Например, англоязычная культура чаще характеризуется индивидуализмом и косвенной речью, тогда как славянская и узбекская традиции более склонны к эмоциональности и относительной прямоте высказывания. Социальные и культурные нормы проявляются на всех уровнях языковой системы: в выборе форм обращения, грамматических конструкций, степени прямоты высказывания, использовании модальных и вежливых маркеров, а также в невербальной коммуникации. Так, в английском языке широко применяется модальное смягчение и условные конструкции (*Could you possibly...;* *Would you mind if...*), направленные на минимизацию давления на адресата. В русском языке вежливость часто реализуется не столько через грамматическое смягчение, сколько через интонацию, лексический выбор и контекст. Например, просьба «Закройте, пожалуйста, окно» может восприниматься как вежливая даже без дополнительных смягчающих элементов, тогда как аналогичное прямое

25-november 2025

высказывание в английском языке (*Close the window, please*) может звучать слишком категорично по ряду прагматических и культурных причин, связанных с особенностями англоязычной модели вежливости. Во-первых, для английской коммуникативной культуры характерна ориентация на негативную вежливость (negative politeness), направленную на уважение личной автономии и свободы адресата. Прямое повелительное наклонение (*Close the window*) даже с добавлением *please* всё равно представляет собой прямое директивное высказывание, которое ограничивает свободу выбора собеседника и потому может восприниматься как давление. Во-вторых, в английском языке слово *please* само по себе не выполняет функции полноценного смягчения, если грамматическая структура высказывания остаётся императивной. Вежливость в данном случае достигается прежде всего за счёт грамматического смешения директивы в форму вопроса или условного предложения, например “*Could you close/Would you mind closing the window?*” Такие конструкции снижают степень прямоты и формально предоставляют адресату возможность отказатьься.

В узбекской культуре прагматическая вежливость в значительной степени основана на системе обращений, отражающих возраст, статус и социальную иерархию. Использование форм *aka*, *ora*, *ota*, *ona* выполняет не только номинативную, но и прагматическую функцию, сигнализируя уважение и социальную дистанцию. Например, просьба «*Opa, iltimos, yordam bera olasizmi?*» воспринимается как более корректная и социально приемлемая, чем нейтральное высказывание без обращения. Существенную роль также играют частицы вежливости (*iltimos, marhamat*) и формулы уважительного согласия.

Особенно важно учитывать социопрагматические различия, поскольку именно они часто становятся источником коммуникативных сбоев. Так,

25-november 2025

стратегии отказа существенно варьируются между культурами. Для английской речи характерны косвенные и смягчённые формулировки (e.g. *I'd love to, but...*; *I'm not sure I can, but let me check...*), позволяющие сохранить позитивное «лицо» собеседника. В русской речи отказ нередко формулируется более прямо, например: «*Нет, не могу*» или «*Сейчас не получится*», что в рамках национальной нормы не воспринимается как невежливость. Аналогичная тенденция наблюдается и в узбекской речи, где отказ может быть выражен достаточно прямо («*Yo'q, hozir imkonim yo'q*»), однако часто сопровождается объяснением или формулой извинения, смягчающей высказывание. Тем не менее в англоязычном контексте подобная прямота может интерпретироваться как резкость или недостаток тактичности, что подчёркивает необходимость формирования прагматической и межкультурной компетенции у изучающих иностранный язык.

Содержание прагматической компетенции включает широкий спектр навыков — от распознавания интенций собеседника до выбора адекватных речевых стратегий. Формирование прагматической компетенции требует комплексного подхода, объединяющего языковые, социокультурные и когнитивные аспекты. Особое значение имеет анализ имплицитных значений и прагматического потенциала языковых средств. Контекстуализация учебного материала играет ключевую роль (Vorozhtsova, 2018). Эффективными методами являются ролевые игры, моделирование диалогов, анализ видеосцен и использование аутентичных материалов. Учителю рекомендуется включать культурные комментарии, подбирать аутентичные примеры и развивать у учащихся способность объяснять свои коммуникативные решения. Например, при изучении модальных глаголов просьбы (*can / could / would*) можно обсуждать, как выбор формы отражает

25-november 2025

степень социальной дистанции. Такая метапрагматическая осознанность способствует развитию критического мышления и устойчивых межкультурных навыков.

Одним из важных направлений обучения является формирование навыков интерпретации имплицитных значений. Например, ответ учащегося “*I had a lot of things to do yesterday*” на вопрос “*Did you finish your homework?*” интерпретируется как непрямое признание невыполнения задания согласно принципу кооперации Грайса. Анализ подобных диалогов помогает учащимся понимать скрытые интенции и правила косвенной коммуникации, характерные для английского языка. Подобные примеры подробно анализируются в исследовании прагматического содержания языковых средств. Прагматическая компетенция также тесно связана с личностным развитием обучающегося, поскольку овладение новыми культурными кодами и моделями взаимодействия стимулирует переоценку собственных коммуникативных привычек и расширяет социально-когнитивный опыт учащегося. Погружаясь в иные нормы вежливости, стратегии выражения намерений и способы структурирования дискурса, студент учится воспринимать коммуникацию как многослойный процесс, зависящий от культурных ожиданий и ценностей участников общения. Такая работа способствует формированию эмпатии, способности видеть ситуацию с позиции другого человека, повышает гибкость мышления и развивает навыки адаптации к разнообразным коммуникативным условиям (Sekerova, 2025). В этом смысле обучение прагматике выполняет не только лингвистическую, но и важную воспитательную функцию, так как способствует формированию толерантности, уважения к культурному разнообразию и готовности к конструктивному взаимодействию в межкультурной среде. Освоение

25-november 2025

прагматических норм другой культуры помогает обучающимся осознать относительность собственных речевых стереотипов и складывающихся социальных паттернов, что ведёт к развитию рефлексивности и более глубокому пониманию коммуникативной этики.

Подводя итог, следует отметить, что прагматическая компетенция представляет собой системное образование, включающее знание языковых средств, социокультурных норм и коммуникативных стратегий. Таким образом, формирование прагматической компетенции становится одним из ключевых механизмов подготовки учащихся к полноценному участию в глобальном коммуникационном пространстве, требующем от говорящего не только владения языком, но и уважительного, этически ориентированного поведения. Развитие прагматической компетенции при обучении иностранного языка является одной из ключевых задач современного иноязычного образования, а успешное формирование возможно только при интеграции прагматических аспектов во все этапы обучения.

Список литературы

- Alpatov, V. (2005) *Язык и общество*. Москва: Наука.
- Bachman, L. F. (1990) *Fundamental considerations in language testing*. Oxford: Oxford University Press.
- Canale, M. & Swain, M. (1980) ‘Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing’, *Applied Linguistics*, 1(1), pp. 1–47.
- Hymes, D. (1972) ‘On communicative competence’, in Pride, J. & Holmes, J. (eds.) *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, pp. 269–293.

25-november 2025

- Larina, T. (2009) *Вежливость и коммуникация: культурные, социолингвистические и прагматические аспекты*. Москва: Языки славянской культуры.
- Sekerova, A. (2025) О роли формирования межкультурной компетенции в обучении иностранному языку. *Зарубежная лингвистика и лингводидактика*. 3, 4/S (апр. 2025), 55–59. DOI:<https://doi.org/10.47689/2181-3701-vol3-iss4/S-pp55-59>.
- Thomas, J. (1983) ‘Cross-cultural pragmatic failure’, *Applied Linguistics*, 4(2), pp. 91–112.
- Vorozhtsova, T. (2018) ‘Формирование прагматической компетенции студентов при обучении иностранному языку’, *Вестник МГЛУ*, 4(789), pp. 45–53.